

ПРОРАБ

ностальгии

В первый раз я услышал о нем в метро. По радио объявляли, что «в Москве состоятся концерты барда Михаила Звездинского, автора песни «Поручик Голицын». Ну вот, подумал, еще один автор «Голицына» открылся. А все оказалось чистой правдой. В Москву вернулся Звездинский, песни которого пели Вилли Токарев, Шуфутинский, Успенская, Жанна Бичевская, Александр Малинин. Вернулся заигочный, вызывающий бесконечные споры 45-летний Михаил Звездинский. Не из-за границы, как нынче модно, из иных мест, не столь отдаленных.

Тоска смертная... и женщина ее не вылюбит, и водка не залечит. Главное, не оттого, что одеться не во что и поест негде, — радость умерла, гармония распалась, что-то в жизни погасло, и теперь вечная, неизлечимая тоска. Есть лекарство, облегчающее муки, — ностальгия. У нас ностальгия какая-то особенная — ностальгия по тому, чего мы никогда не видели и о чем знаем лишь понаслышке. В пережитом нами мало было красивого и изысканно-романтического — не к чему прислонить свою светлую грусть. Вот и приходится печалиться о фантомах: о людях, с которыми мы не встречались, стражах, где не бывали, временах, в которых не жили.

У меня лично ностальгия по 50–60-м. (Родился я в 1963-м, период этот для меня — «время инкогнито».) Хотя что со мною делаете, люблю смотреть «наивные» фильмы тех лет, читать ранние повести Аксенова о том времени и думать, что солнечнее было тогда, спокойнее.

Когда я встретился с Михаилом Звездинским, первым делом попросил рассказать о годах его юности — предмете моей ностальгии. Ведь со Звездинским я встретился, в сущности, по этому поводу. «Поручик Голицын» — самая знаменитая вещь, написанная юношей 60-х, — ностальгическая баллада о последних, трагических днях белой гвардии. А это: «Мы вдруг садимся за рояль, снимаем с клавишей вуаль и зажигаем свечи...» К моменту возникновения песни еще вуали давно уже были отменены, балы закончены, свечи погашены. Эти нехитрые песни прижились на застольях, в подъездах, у походных костров. Одно из его сильных впечатлений от жизни очень бодрое — Московский студенческий фестиваль. Он поразил Мишу не столько обилием негров на улицах, сколько музыкой чернокожих — джазом. И Миша решает стать джазменом, барабанщиком. Здесь следует перечислить имен, с кем приходилось играть: Прудовский, Бриль, Чижик, Козлов. Играли на танцах в подмосковных Томиле, Люберцах, Малаховке — в Москве танцевать под джаз становилось все опаснее.

— А вы с Василь Пальчем не встречались, с Аксеновым?

— Нет, лично незнаком, хотя читал, конечно... И еще в «Младшем брате» по его повести снялся в эпизоде: я там

в ресторане на трубе играю. Сто рублей, помню, за это получил, один из первых заработков. Большие это были деньги...

— Вы случайно не из «золотой молодежи» будете? Джаз все-таки, кинематограф, деньги...

— Вообще я сам по себе. Но не из бедной семьи: бабушка в Смольном училась, дед полковником царской армии был, брат — историк. Жили в центре Москвы, рядом с Арбатом — на улице Веснина.

Первые «свои» песни Михаил писал для себя, не из профессиональной потребности. В 1966 году познакомился с Аркадием Звездиным — Аркашей Северным. Тот стал петь песни Звездинского. На магнитофонах зазвучали «Голицын», «Свечи», еще около пятидесяти песен Михаила Звездинского. Пел их Северный до 84-го года, когда, перебрав водки и «ширнущую» дозу, скончался. Звездинский узнал об этом в тюрьме.

В 70-е годы, куда ностальгия моя уже не простирается (отчетливо помню это время), Михаил Звездинский стал одним из первых советских продюсеров. Он взялся организовывать эстрадные программы, варьете в загородных и московских ресторанах. Здесь еще один перечень имен артистов, с которыми работал Звездинский: Пугачева, Кузьмин, Серов, Вайкуле, Долина. Он первый в СССР устроитель ночных ресторанов, куда съезжался столичный бомонд: артисты, министры, генералы и путаны (тогда еще — проститутки). Вход — столы. В стоимость включались выпивка, закуска и развлекательная программа. Думаю, этот феномен полубуржуазной предприимчивости держался столько лет не только благодаря коммерческой сметке Звездинского: ходили к нему сильные мира того.

Пока Михаил Звездинский пытался привить на первой и последней в мире родине развитого социализма веселую жизнь, на эту же землю неумолимо надвигалась Олимпиада-80 — праздник спорта и мира: 8 марта 1980 года в профилактических целях всех посетителей ночного клуба «закрыли». Утром отпустили — остался только Звездинский.

— Полтора года Петровка выбивала из меня признание в «нетрудовых доходах». Сначала мне светило 14 лет, потом 12, и, наконец, по статье ЧПД — частнопредпринимательская деятель-

ность (от 3 до 8) — я был осужден на 8 лет, то есть на всю катушку. С полной конфискацией имущества, естественно. Все распродал в этих специальных магазинах для работников МВД за бесценок — это называлось «стимуляция хороших служащих».

Когда я уже почти отсидел срок, Верховный суд задним числом поменял мне статью на более легкую — занятие запрещенной деятельностью, и последние два года я проживал на поселении там же, в Бурятии.

— Как выжили в колонии?

— Так и выжил, не без помощи гитары — на смотрах всяких побеждал... Тюрьма — продолжение жизни. У меня не было шока, когда я туда попал. Во-первых, много об этой жизни слышал — на мои программы ходили и воры в законе. Кстати, они меня тоже помнили: когда я первый раз вошел в камеру, один ее старожил, Витя Заяц, меня признал (слышал обо мне, наверное): этого, говорит, не трогать. Во-вторых, я у Штурмина каратэ изучал тоже помогло там. Пару раз приходилось особо непонятливым пятой по голове объяснять, что и как.

— А ваши высокопоставленные знакомые? Они вам как-то помогли?

— Кое в чем помогли. Я в своих ресторанах много всяких пьяных разговоров слышал, знал, к сожалению, очень много про все интересные государственные дела. Следователи это понимали, но ни одного имени я не назвал, никого не продал. Поэтому я сегодня хожу с высоко поднятой головой. Те, кто меня допрашивал, сильно сержались на это — их твердую руку я чувствовал даже в лагере. А где эти люди сейчас? Я специально интересовался: почти все свои звезды с погон потеряли, почти все сидят теперь сами. Так что, как говорится, а судьи кто?

Тем, за что меня посадили, сейчас занимаются вполне легально. Я подсчитал: если бы я не проточил в Бурятии 8 лет, то заработал бы (минимально) где-то 270 тысяч. То есть это государство мне столько должно. Вряд ли оно станет со мной рассчитываться.

А в остальном все нормально, я не унываю. Работаю. На телевидении побывал, чего до тюрьмы никогда не было... И все свои концерты заканчиваю фразой: «Всем ходом событий мы обречены на успех. Поэтому все трудности — временны».

Трудно догонять ушедший поезд. Его козырь разыграли другие. Но есть у меня уверенность, что этот сильный человек с повадками не барда, а скорее профессионального борца настигнет укачившую первым классом удачу. Не обязательно в качестве певца и исполнителя — может быть, станет организатором нашей лихорадочной эстрады. Может, откроет ночной ресторан, сделает там хорошую программу. Нам ведь теперь нужны предприимчивые и талантливые люди. Люди, которые избавят нас от тоски и скуки смертной. Помогут излечиться от надежды на минувшее — нашей ностальгии.

Но пока кандидат в такие люди — Михаил Звездинский в унисон с эпохой помогает нам лечь эту бессмысленную, но и безобидную чувствость — ностальгию.

Николай Фохт.